

Рис. 38. Ассирийские всадники преследуют аравийских кочевников.
По ассирийскому барельефу из Нимруда

ГЛАВА ВТОРАЯ

Передняя Азия

Ассирия.— Вавилон.— Персия

Азиатское искусство носит, в целом, этнографический характер; его основные особенности мало повлияли на европейское искусство, вырабатывавшее формы настолько самостоятельные, что их отдаленное родство с памятниками Центральной Азии выглядит натяжкой. Совсем другое дело — влияние Азии в более поздние века через Африку и мавров на западноевропейское искусство и через народы, населявшие бассейн Каспийского моря, на Восточную Русь.

Пожалуй, самая знаменитая и известная постройка Востока — Вавилонская башня. Она упоминается даже в Священном Писании.

Одиннадцатая глава Моисеевой книги «Бытия» начинается так:

На всей земле был один язык и одно наречие.

Двинувшись с Востока, они нашли в земле Севаар равнину и поселились там.

И сказали друг другу: наделаем кирпичей и обожжем огнем;

И стали у них кирпичи вместо камней, а земляная смола вместо извести.

И сказали они: построим себе город и башню, высоту до небес; и сделаем себе имя, прежде нежели рассеемся по лицу всей земли... (Быт., 11:1-4).

Башня возбудила ревность Иеговы, осталась из-за этого недостроенной и была названа Вавилоном (Бабелом). Менее древние свидетельства подтверждают существование такой пирамиды, которая называлась капищем Бела или Ваала. Она состояла из восьми ярусов, имела 180 метров ширины

в основании и на столько же поднималась в высоту. Развалины капища видны до сих пор: это остатки действительно гигантской постройки, подобной которой больше не встретить на земном шаре.

Месопотамия, или Междуречье, расположенное между Тигром и Евфратом, отчасти похоже по своим природным условиям на Египет: и здесь благосостояние страны полностью зависит от разливов обеих рек. Точно так же природные условия в Междуречье влияли на умственное развитие народов, ускоряя их движение по пути научного и художественного прогресса. Как и в Египте, в этих местах уже за 3000 лет до н. э. расцвела цивилизация: халдеи, или калди, поселившиеся в Междуречье, занимались астрономией, землемерием и инженерным искусством и достигли в этом большого совершенства. В освоении письменности они продвинулись значительно дальше жителей долины Нила: ими были созданы клинообразные буквы, которые стали значительным шагом вперед по сравнению с иероглифами.

Хитро придуманные видоизменения острия копья (клина) передают разнообразные звуки и отдельные слоги. До нас дошло множество глиняных обожженных пластинок, покрытых этими клинообразными письменами. Эти клинообразные надписи, описывая построение храмов и крепостей, содержат и свидетельства о войнах с северными народами — ассирийцами (рис. 39, 40).

Ассирийцы, по мнению историков, были наиболее одаренной нацией среди всех народов Западной Азии. Они воспользовались тысячелетней цивилизацией халдеев, усвоили себе многое из их нравов и религиозных верований, — но проявили при этом больше силы, энергии и таланта. Личная храбрость и физическая сила находились у них на первом плане. В многочисленных войнах они победили соседние народы, а в мирное время укрепляли свой дух тем, что ходили на диких быков и львов один на один (рис. 41).

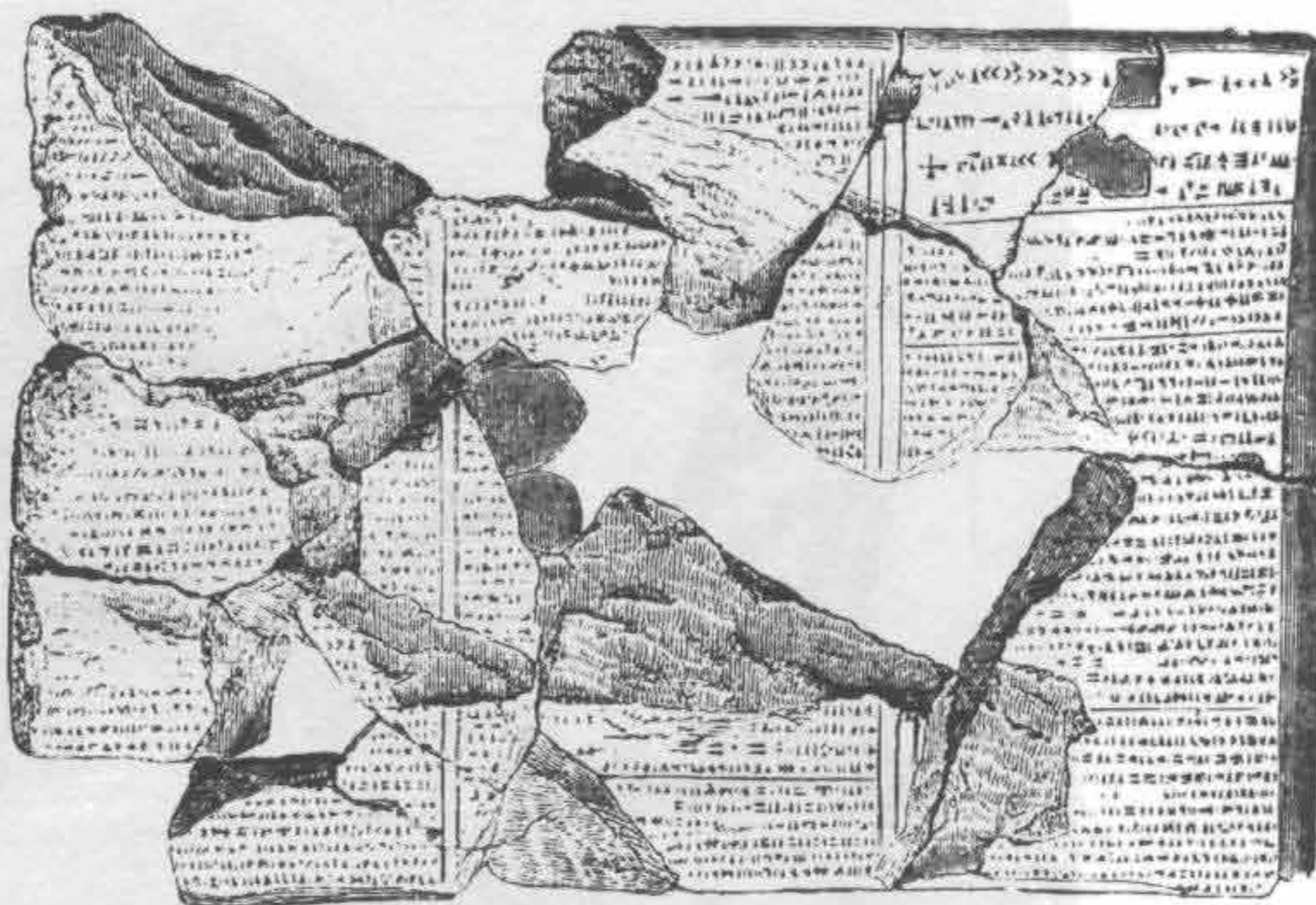

Рис. 39. Глиняная табличка с фрагментами халдейского сказания о Потопе

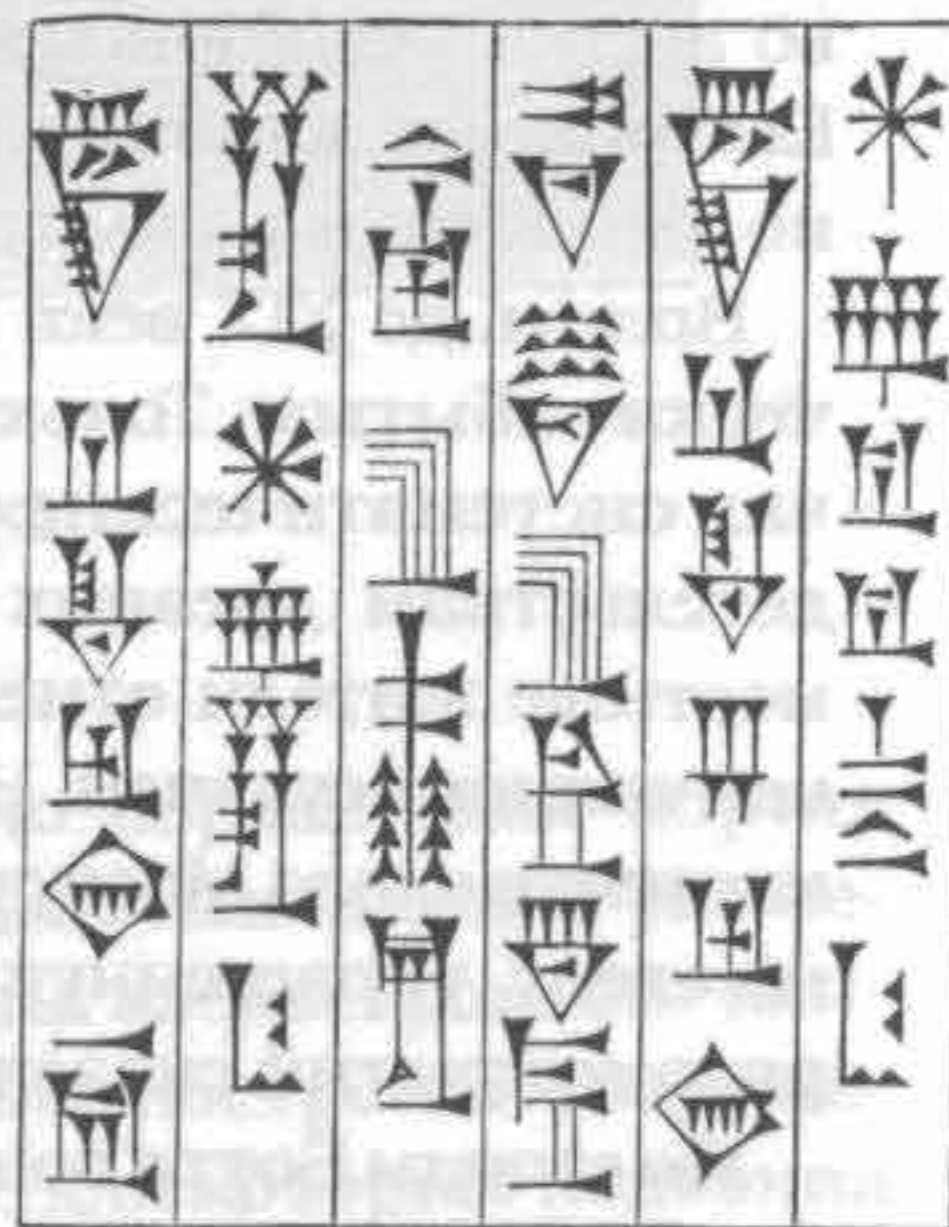

Рис. 40. Кирпич с клинообразной надписью из построек Навуходоносора

Рис. 41. Охота на льва. Барельефы Куянджика

Стремление к монументальным постройкам было одной из характерных черт искусства народов Передней Азии. Возможно, источником вдохновения для них послужили колоссальные размеры окружающих гор, долин, рек. Не стесненное узкими рамками ритуальных представлений египтян, искусство ассиро-вавилонской культуры развилось в роскошное, самобытное целое. Его мощное влияние ощущалось не только в искусстве ближайших соседей, но, отчасти, и в памятниках культуры европейских народов.

Вплоть до XIX века искусство ассирийцев и вавилонян оставалось практически забытым. Только в 1842 году Ботта, французский консул в Моссуле, начал систематические раскопки на восточном берегу Тигра, где, согласно свидетельствам древних авторов, должна была находиться Ниневия. Однако местные жители отнеслись к раскопкам крайне враждебно, поэтому они закончились неудачей. Но Ботта не унывал и принялся за раскопки в Хорсабаде — местечке около Моссула. Здесь его ожидал успех: вскоре экспедиция наткнулась на стену, украшенную барельефами; эта находка послужила началом целого ряда открытий сказочных тайн Ниневии.

По стопам Ботта пошел англичанин Лейярд, откопавший целые дворцы и обогативший музеи Лондона нимрудскими древностями, — благодаря ему мы теперь знаем о древнеазиатском искусстве не меньше, чем о египетском.

Писатели древности утверждали, что Ниневия имела 84 километра в окружности и была обнесена огромными стенами и башнями. Раскопки подтверждают, что пространство, которое занимал город, действительно было колоссальным. Ниневия располагалась на холмах, которые, группируясь между собой, образовывали естественные границы между частями города. Раскопки

Рис. 43. Ашшурнасерпал на троне.
Ассирийский рельеф из дворца в Кальху

дали нам превосходные образцы скульптур; особенно поразителен портал хорсабадского дворца с четырьмя изображениями крылатых львов с человеческими головами. Все стены дворцов оказались покрыты алебастровыми плитами, которые были сплошь украшены барельефами. Все постройки сооружены уступами; среди них встречаются даже пирамиды, для которых подобная форма считается древнейшей и восходящей к первобытным принципам строительства. Стены дворцов достигали колоссальной толщины и были сложены из кирпича — основного строительного материала Вавилонской башни (рис. 42).

Обратим лишь внимание на характерные элементы ассирийских построек: живопись и скульптуру по алебастровым плитам, а также глазурованный кир-

Рис. 44. Барельеф из Хорсабада

пич. Как и в Египте, искусство служило только для декорации дворца, но религиозные сюжеты в Ассирии и Вавилоне были далеко не столь популярны. Жанровые сцены, в особенности — царский быт (рис. 43), составляют основной предмет изображения в пластике и живописи.

Здесь мы встречаем царские охоты и пиры, всевозможные битвы и поединки (рис. 38), а также небольшое количество мифологических сюжетов. На фигурах лежит азиатский отпечаток известного типа: они приземисты, коренасты и явно свидетельствуют о склонности к тучности и ожирению (рис. 44). Реализм мускулов в ассирийском изображении развит несравненно сильнее, чем в египетском. Торсу соответствует такая же грузная голова, зобастая, с крупной нижней челюстью, крючковатым носом и маленьким лбом. Волосы убранны в завитки, движения довольно свободны и характерны. Слабее прочего выглядит одежда: она лишена складок, плотно прилегает к телу и словно выделана из толстой грубой кожи.

Лошади представлены слишком условно, хотя от этого недостатка, впрочем, впоследствии не мог отделаться и классический мир, — но зато дикие звери, особенно львы и ослы, — превосходны (рис. 38, 41, 45). На рельефе, найденном в северо-западном нимрудском дворце, превосходно воссоздано движение льва, в которого царь прицелился из лука. Здесь уже определенно чувствуется вдохновение.

Если в Египте впервые возник живописный стиль, то в Ассирии впервые засверкала жизнь в изображениях видимой природы. Совершенно фантастические фигуры — человеческие головы со звериным туловищем или птичьи головы с человеческим торсом — на ассирийских изображениях производят гораздо более сильное впечатление, чем на египетских. Оригинальность некоторых изображений чудовищ граничит с истинным мастерством. В Лувре есть талисман в виде бронзового чудовища с собачьим туловищем, птичьими ногами, хвостом скорпиона, человеческим черепом, с козьими рогами и четырьмя фантастическими крыльями.

Ассирийские крылатые львы и быки — тоже шедевры своего рода. На сильно пострадавших от времени глазурованных (кафельных) кирпичях можно проследить излюбленные изображения ассирийцев: лев, смоковница, гриф и плут. Раскраска плиток тоже производит сильное впечатление: деревья ярко-изумрудного цвета, фон ярко-голубой, фигуры — желтые. На рис. 46 представлено одно из изображений по глазури.

Древнейшим памятником Ассирии считают львов, найденных на берегах Хабуба у Артабана, затем идут нимрудские и хорсабадские скульптуры. Позднейшая эпоха представлена дворцом в Куюнджи с рельефами по алебастру эпохи VIII — VII вв. до н. э.

Когда Ниневия пала, ее место занял Вавилон, центр науки и просвещения Средней Азии, полный сказочного величия. Колоссальный, как и его могучая предшественница, он имел в наружной стене сто бронзовых ворот, не считая отдельного ограждения городской цитадели.

Капище Бела стояло посреди огромного двора, куда можно было попасть тоже через бронзовые ворота. Святилище состояло из громадной уступчатой пирамиды, в нижней части которой был расположен храм с золотым идолом, тронем и жертвенником. Наверху находился другой храм, тоже полный золотой утвари.

Золотые идолы, вероятно, были изготовлены не из чистого золота, а лишь имели золотую оболочку. Стены Вавилона имели 66 километров окружности, а толщина их была такова, что по ним свободно проезжало шесть колесниц в ряд. На 30 ки-

Рис. 45. Царская охота на львов

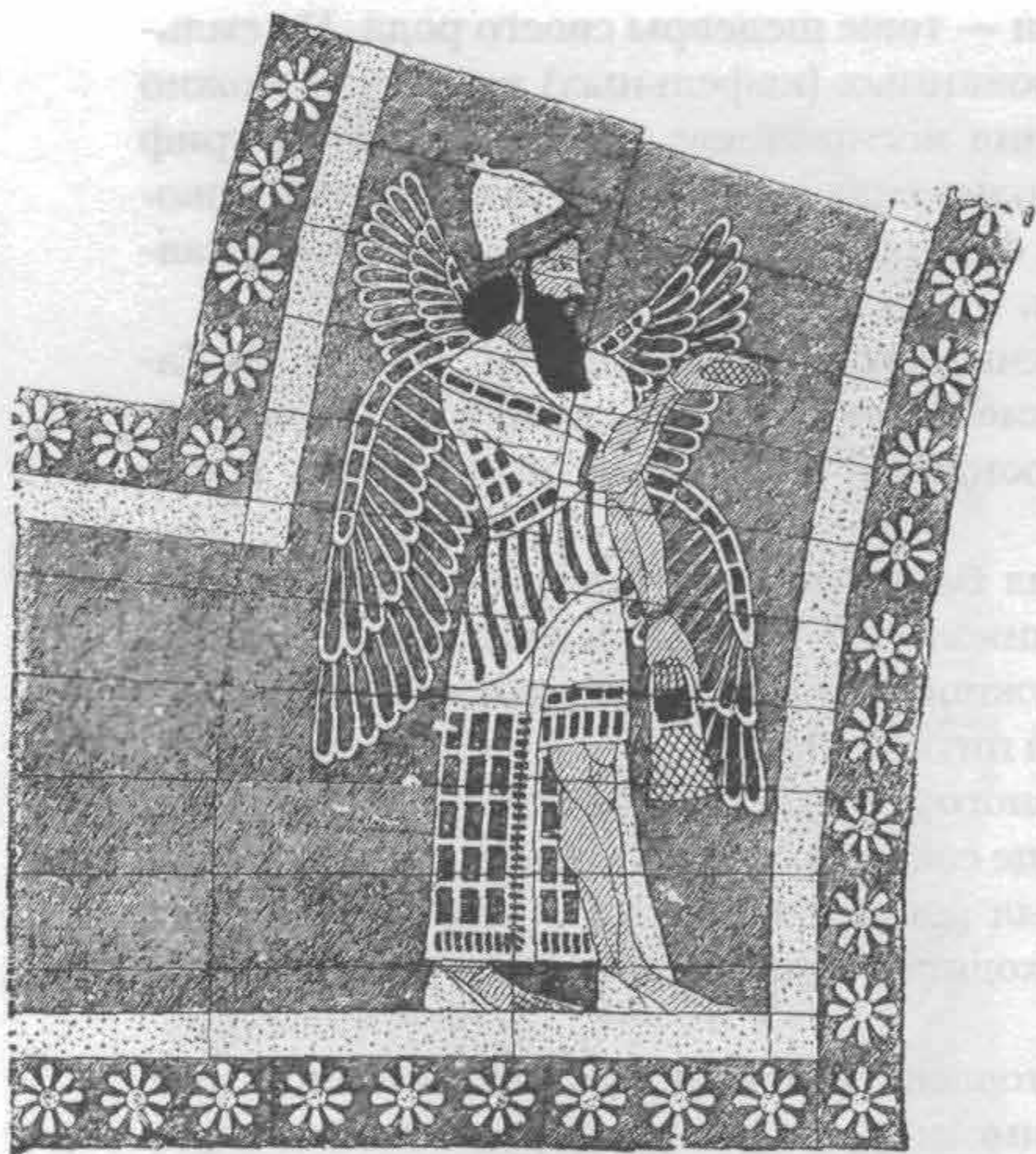

Рис. 46. Изразцовый рельеф

тери были порою великолепны: Азия издревле славилась выделкой тканей, особенно цветных и узорчатых. Обшитые кистями и тяжелой бахромой, с широкими каймами, разукрашенными арабесками, они сверкали великолепной пестротой Востока.

лометров по обоим берегам Евфрата простиралась набережная, соединенная с городом каменным мостом. Городскую стену защищали 250 боевых башен.

Ассирийская одежда не могла, подобно египетской, ограничиться лоскутком материи, обернутым вокруг бедер. Климат Ассирии потребовал длинной, до пят, рубахи, иногда укороченной до колен и подвязанной поясом. Верхнее платье носили только привилегированные классы, — впрочем, впоследствии это различие сгладилось. Мужской и женский костюм мало чем отличались, что не удивительно, учитывая традиционно рабское положение женщины на Востоке.

В Египте женщины, наоборот, занимали ведущее место в обществе, поэтому мужской египетский костюм стал отчасти походить на женский. Зато сами азиатские ма-

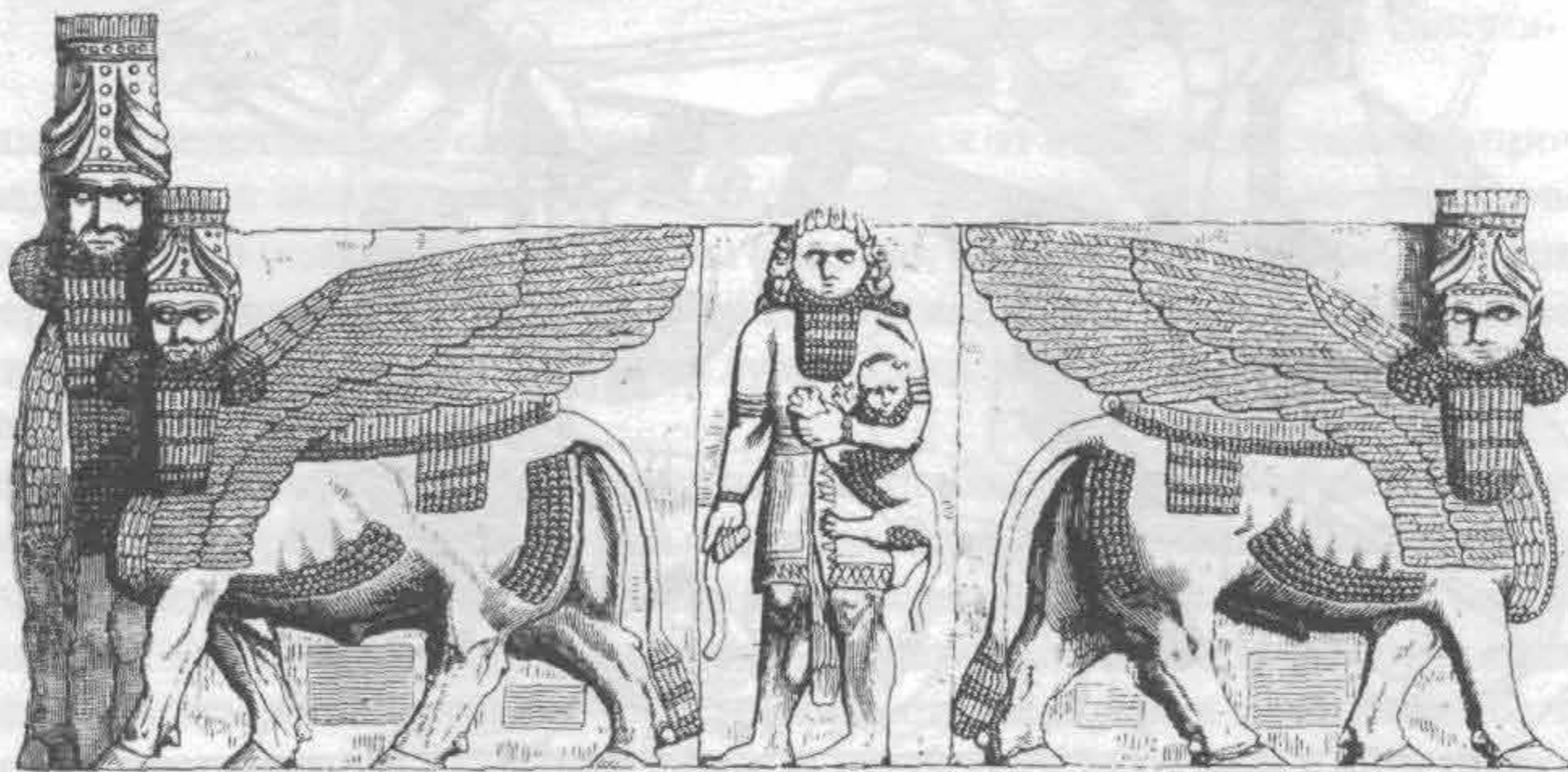

Рис. 47. Крылатые львы из Хорсабада

Рис. 48. Ассирийский царь в полном облачении

Строгий придворный этикет перешел в позднейшее время в невероятную, освященную законом роскошь. Пурпурные одежды придворных, опахала, блестящее оружие, зонтики — все это походило на ходячий музей драгоценностей. Сам царь являлся перед подданными в белом клобуке с диадемой в нижней части и фиолетовыми лентами, спускавшимися за спину. В руке он держал вызолоченный царский посох. Так как царь одновременно занимал должность жреца, то на его одежде иногда появлялось изображение звезд и созвездий, служивших предметом поклонения ассирийцев (рис. 48 — 50).

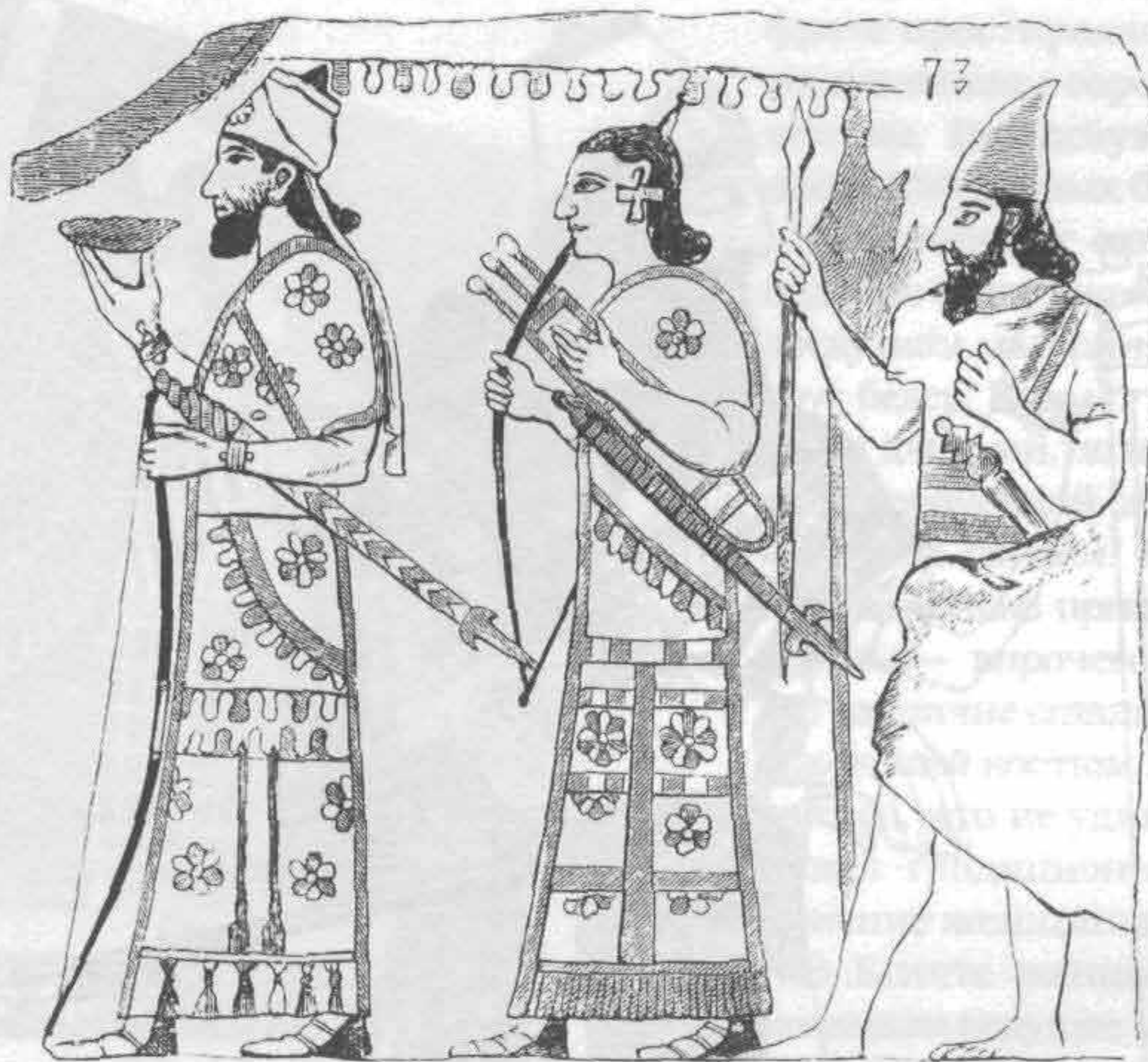

Рис. 49. Фрагмент ассирийской живописи на кирпичях.
Барельеф из Нимруда

Азия славилась также своим оружием и превосходной сталью. Щиты, луки, мечи работы азиатских мастеров-оружейников расходились по всему свету. Особенное уважение азиаты питали к кинжалу, носить который имел право каждый гражданин в знак своего благородного происхождения. Их рукояти со звериными головами были порою необыкновенно изящны. Немудрено, что

Рис. 50. Возвращение ассирийских войск после победы.
Барельеф из Ниневии

войско ассирийцев было превосходно вооружено копьями, топорами, панцирями и управлялось при помощи трубных сигналов; при колесницах полководцев развевались яркие знамена (рис. 51, 52). На некоторых изображениях видны даже воины в кольчужных панталонах и конусообразных шлемах с затылочными сетками. Зато с пленными победители обращались с истинно восточной жестокостью. Самым легким наказанием было обращение побежденных в евнухов; затем шло выкалывание глаз, сажание на кол и пр.

Рис. 51. Ассирийское войско.
По барельефному изображению

Частные жилища ассирийцев очень походили на египетские: те же плоские крыши, открытые галереи и простота архитектурных решений. В деталях

Рис. 52. Осада города.
Барельеф из Ниневии

Рис. 53. Бой царя с Ариманом.
По барельефу из Персеполя

Каждая платформа террасы была сложена из кирпича; ее подпирали массивные каменные опоры. На кирпичах были настланы каменные плиты, потом толстые слои гипса, тростника и асфальта, прикрытые от сырости толстыми свинцовыми листами. На эти листы был насыпан такой слой земли, что на ней свободно могли пускать корни вековые деревья. Все это чудо искусства орошалось при помощи насосов, которые поднимали воду из Евфрата в бассейн, расположенный на верхней террасе.

После временного появления в Средней Азии мидийцев, попытавшихся объединить под своим владычеством все со-

можно обнаружить некоторую новизну, например, своеобразием отличаются капители колонн. Именно здесь впервые появилась *волюта* (завиток капители), которая впоследствии заняла такое важное место в ионическом ордере. В орнаменте также заметны оригинальность и самобытность, которые сильнее всего проявились при отделке дворцовых зданий. Комнаты ассирийцы закрывали превосходными коврами, которые заменяли и циновку, и обои, и входную дверь, и даже перегородку.

В период наивысшего расцвета ассиро-вавилонской роскоши дворцы правителей выросли до небывалых размеров. Царь Навуходоносор построил для своей скучающей супруги-мидянки террасные сады, которые в общей сложности занимали 15 тысяч квадратных метров. Эти сады поднимались выше дворцовых башен и напоминали царице ее гористую родину; впоследствии они получили известность в древности как «висячие сады Семирамиды» и считались одним из семи чудес света.

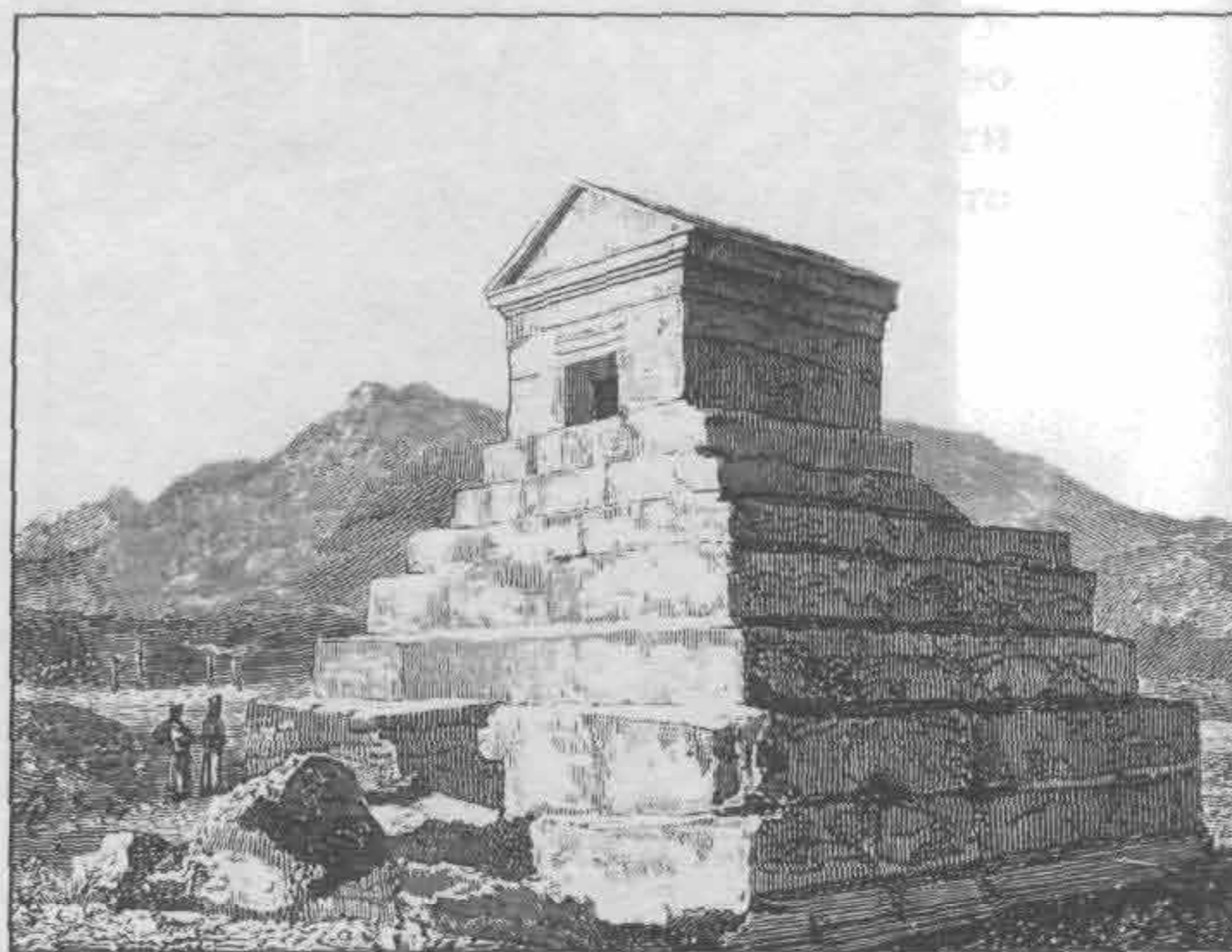

Рис. 54. Гробница Кира

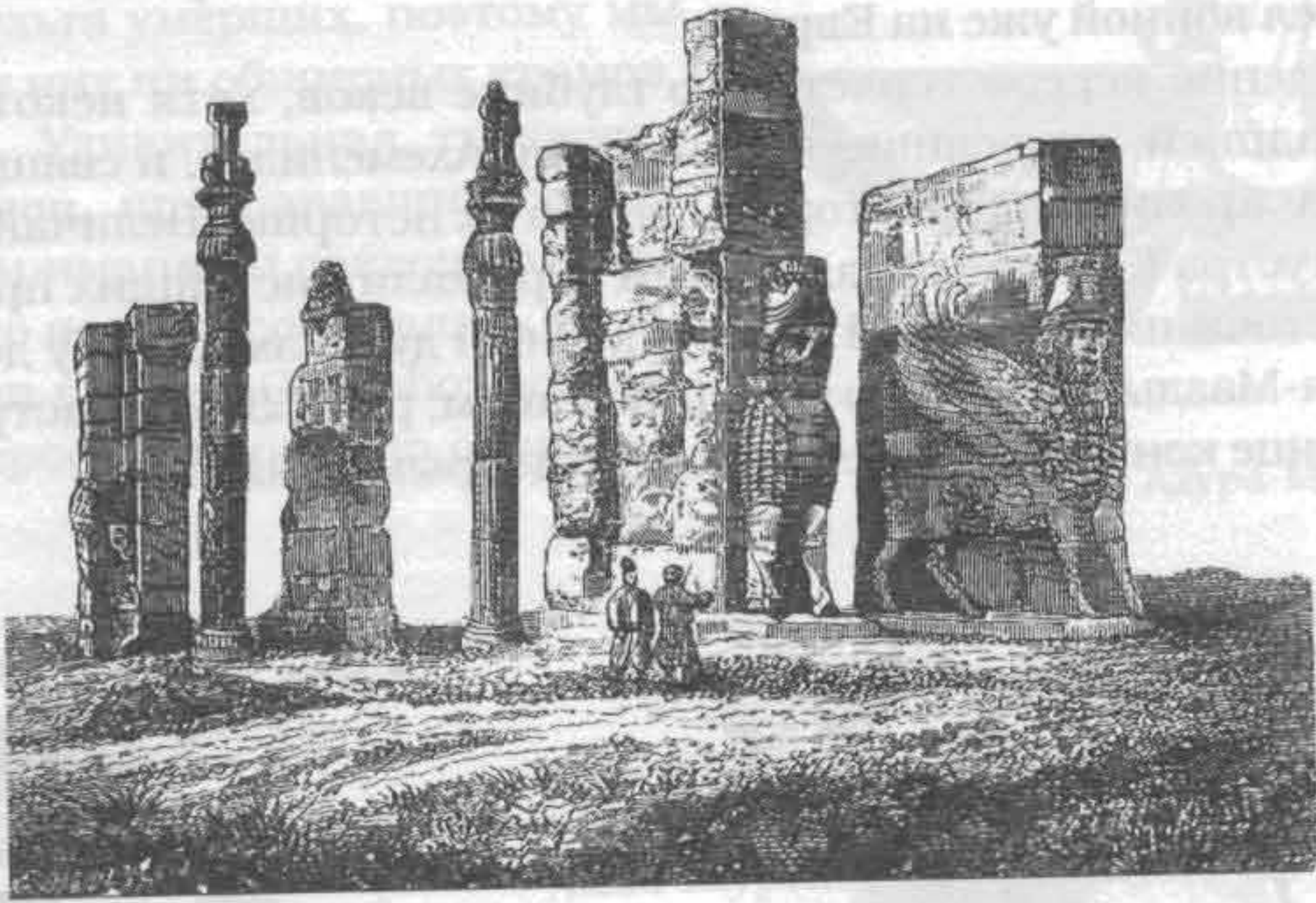

Рис. 55. Персеполь. Пропилеи Ксеркса

седние народы, на исторической сцене появилась новая могучая монархия — персы. Суровые, не отличавшиеся изнеженностью воспитанники пустынной, скалистой страны, оказались «свежим» народом, полным сил и самосознания. Блистательный полководец Куруш (Кир), свергнув мидийское иго и завоевав

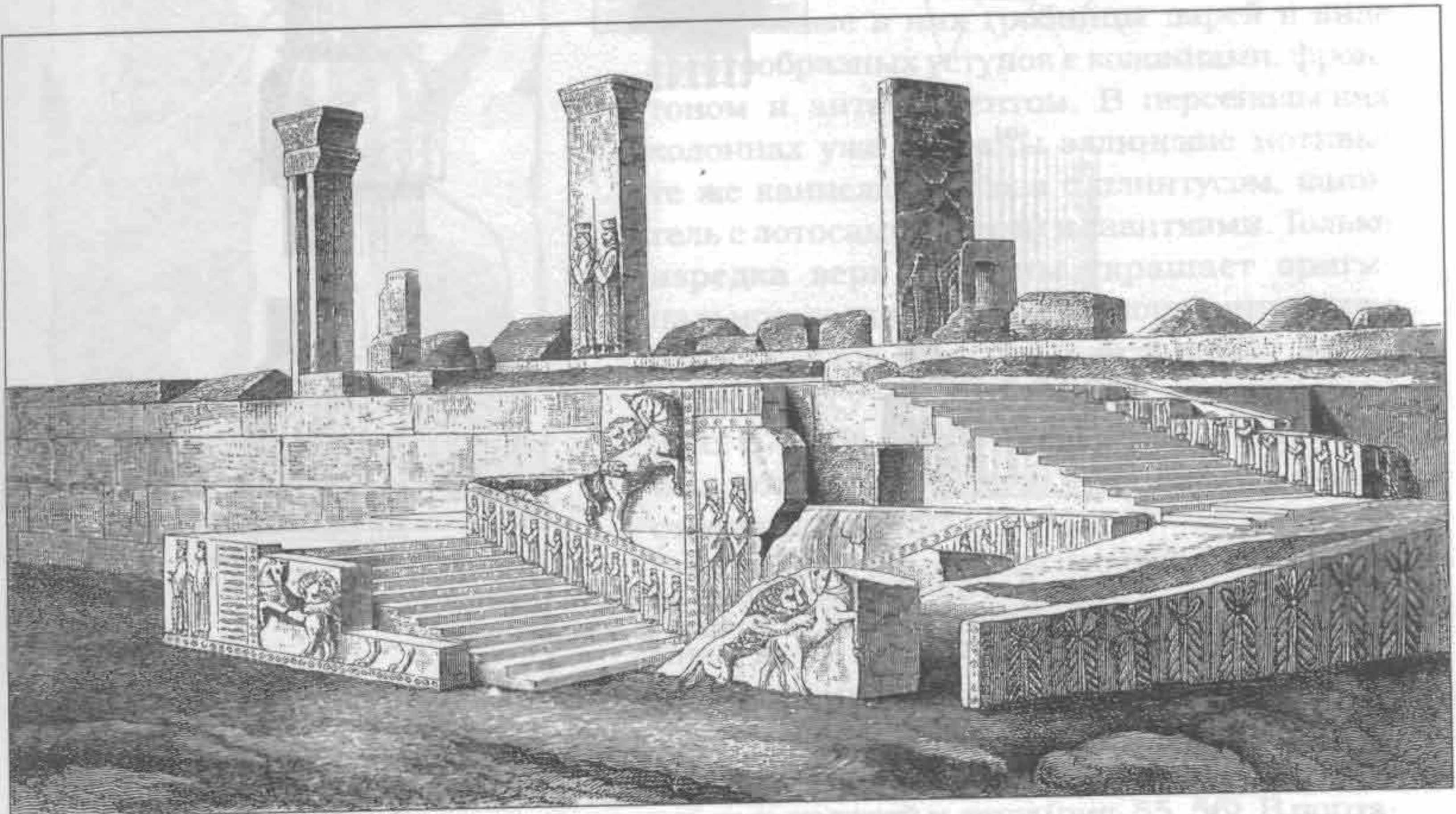

Рис. 56. Руины дворца в Персеполе

Вавилон, распространил свою монархию до берегов Каспийского моря. Камбиз и Дарий укрепили величие молодого престола, а преемник последнего, Ксеркс, пошел войной уже на Европу.

Происхождение персов теряется во глубине веков, хотя некоторые сохранившиеся надписи, относящиеся к династии Ахеменидов, и священные книги «Зенд-Авеста» проливают некоторый свет на их историю. Величайший законодатель Заратустра (Зороастр) дал персам скрижали чистейших правил жизни, установив источником мировой борьбы вечный дуализм: борьбу добра (Ормузда, или Ахура-Мазды; рис. 60) со злом (Ариманом; рис. 53). Зороастр обещал людям, что в конце концов зло будет покорено добрым началом.

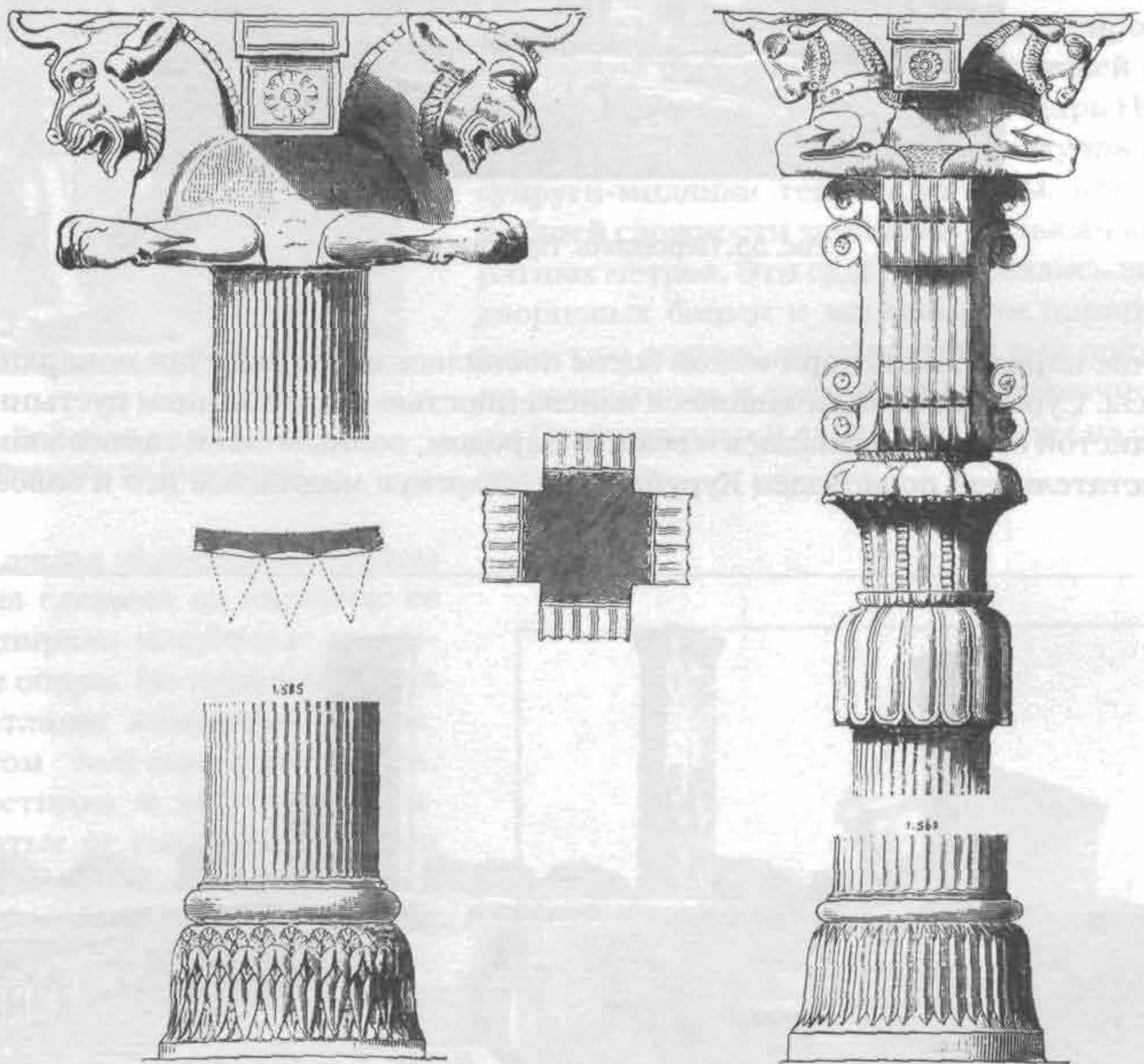

Рис. 57—59. Колонны из дворца в Персеполе с капителями из бычьих и конских голов

Религия Зороастра не допускала ни изображений божества, ни храмов. Единственным очищающим элементом был священный огонь, которому и поклонялись. Поэтому у персов не встречается священных изображений и все искусство сводится к прославлению подвигов царей и героев (рис. 62).

Персидское искусство строго группировалось вокруг двух тем: царской власти и культа умерших, поэтому мы не найдем у них ни обширных храмов, ни идолов. Удивительная трезвость мысли персов, признававших борьбу Ормузда с Ариманом и поклонявшихся огню, как-то не согласовывалась с изображениями идолов. Они обожествляли своих героев и царей, но отрицали истуканов.

Рис. 60. Ахура-Мазда (Ормузд)

Рис. 61. Персидский царь.
Рельеф из Мургаба

Древнейший памятник, дошедший до нас, — это Пассаргады, древняя столица персидских царей. Там, по соседству с нынешним Мургабом, находится уступчатая пирамида с небольшим храмом наверху; обычно ее называют гробницей Кира (рис. 54). Весь храм и ограда вокруг него несут на себе несомненный отпечаток эллинского влияния, особенно в мотивах колонн с каннелюрами (т. е. желобками). Маленький храм представляет собой усыпальницу, в которой, правда, отсутствует саркофаг.

Более интересны скалы Персеполя и расположенные в них гробницы царей в виде крестообразных уступов с колоннами, фронтоном и антаблементом. В персепольских колоннах уже заметны эллинские мотивы: те же каннелюры, база с плинтусом, капитель с лотосами, бусами и завитками. Только изредка верх колонны украшает оригинальное соединение двух лошадиных или бычьих голов, и в базе, в отличие от ионической, отсутствует вогнутое кольцо (*spira*) (рис. 57—59). Связь некоторых архитектурных мотивов капителей с египетским искусством несомненна.

Основные развалины персепольских построек не могут дать нам полного представления о цели, для которой эти постройки были в свое время возведены. Жилых помещений нигде не видно, но всюду есть комнаты непонятного назначения, возможно, это место приема податей и дани (рис. 55, 56). В порталах заметно египетское влияние, но азиат-

ская капитель колонны свидетельствует о самобытных традициях, колыбелью которых была именно долина Нила. Это уже упоминавшиеся двойные головы, глядящие врозь, которые представляют собой удивительно смелую архитектурную деталь и одновременно — превосходное гнездо для балки.

Частные жилища нынешних жителей Ирана до того просты и так напоминают своими тонкими колоннами и цветными занавесами походные шатры, что можно без особого труда представить себе точно такие же «хоромы» и в эпоху персидского могущества.

Дворцы персидских властителей, наоборот, поражали своей роскошью (рис. 56). Достаточно сказать, что здание опоясывало несколько рядов разноуровневых стен, поэтому из-за одного ряда зубцов уступом выглядывал другой, третий и т. д., причем каждый из них был раскрашен в особый цвет. Таким образом, дворцовые стены выглядели как пестрый пояс семи цветов: белого, черного, пурпурного, голубого, красного, серебряного и самого последнего, внутреннего — золотого. Сам дворец строили из кипариса и кедра, покрывая дерево золочеными листьями, — даже крыша дворца была вызолочена.

Барельефные изображения прославляли царские подвиги. Приемные залы были разукрашены сценами придворных церемониалов, картинами приношения даров и другими подобными сюжетами. Если в манере художественного изображения чувствуется ассирийское влияние, то сами фигуры выглядят все-таки свободнее и роскошнее. Профиль плеча схвачен удачнее, под складками чувствуется тело, которое само по себе тоньше и стройнее, чем на ассирийских изображениях. Как и их предшественники, персы с исключительным искусством изображали животных, в особенности фантастических (рис. 47, 64); излюбленной темой у персидских художников был бой льва с единорогом.

По мере развития роскоши при царях, переезжавших на лето из жарких Суз в прохладную Экбатану, придворная жизнь достигла того же великолепия, с которым она процветала в Вавилоне. В книге «Эсфирь» рисуется прекрасная картина пира, который задавал жителям Артаксеркс.

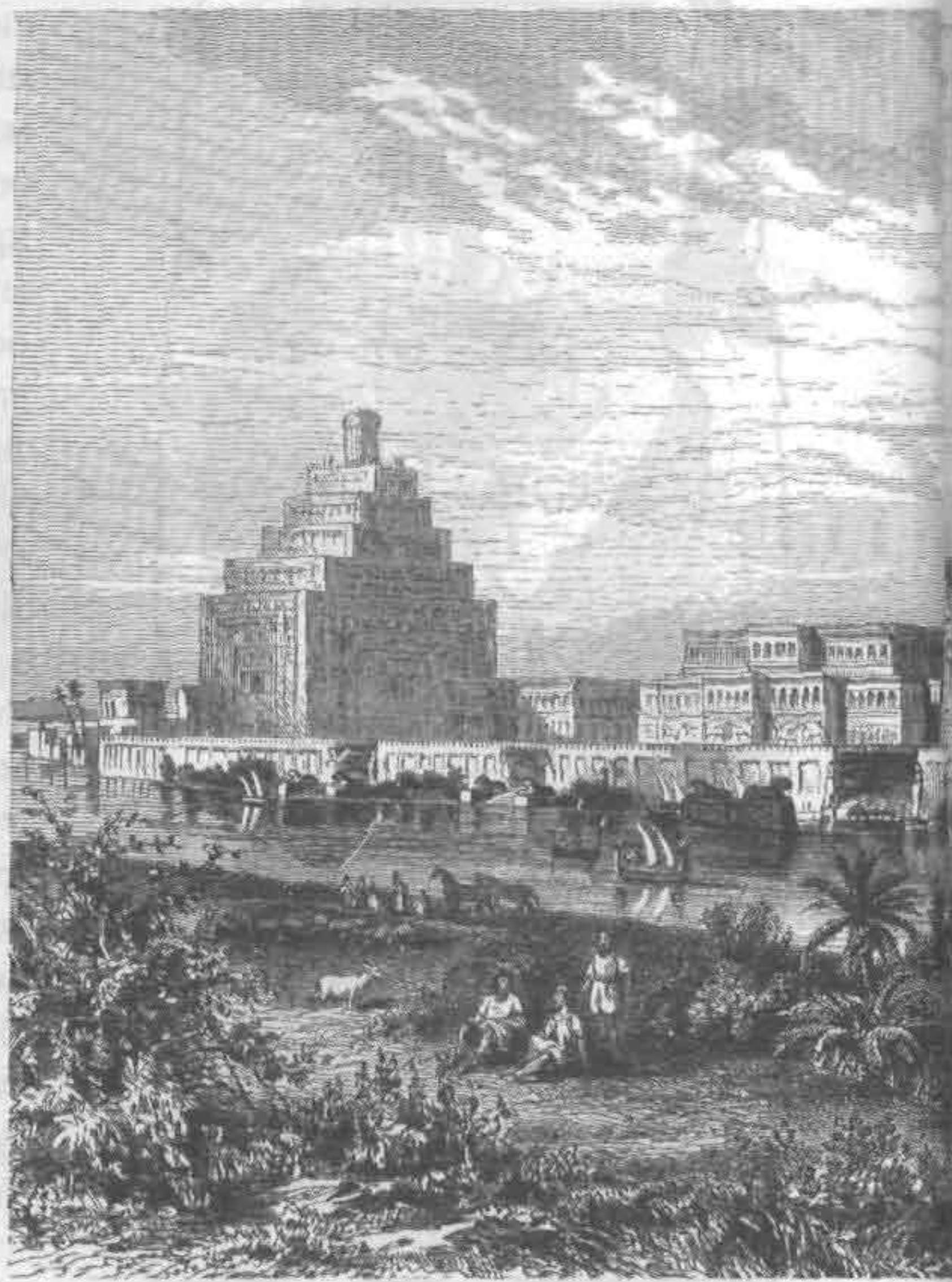

Рис. 42. Дворец ас-
Рестид

«В третий год своего царствования он сделал пир для всех своих вельмож и придворных, для главных начальников персидских и мидийских войск и для правителей областей — показывая великие богатства своего царства и дивный блеск своего величия в течение многих дней: ста восьмидесяти дней.

Когда же эти дни миновали, царь устроил пир для народа своего, находившегося в престольных Сузах, — от большого до малого, пир семидневный на садовом дворе дома царского. Белые, бумажные и яхонтового цвета шерстяные ткани, прикрепленные виссонными и пурпурными шнурами, висели на серебряных кольцах и мраморных столбах. Золотые и серебряные ложки были на помосте, устланном камнями зеленого цвета, и мрамором, и перламутром, и камнями черного цвета. Напитки были в золотых сосудах и сосудах разнообразных, ценою в тридцать тысяч талантов, и вина царского было множество по богатству царя...»

Из этого описания видно, до каких размеров доходила придворная роскошь. Мидийско-персидские костюмы — длинные, широкие, скрывавшие недостатки роста, тканые из шерсти и шелка, с систематически проработанными складками — блистали роскошными яркими цветами. Необходимую принадлежность облачения составляли золотые цепи, браслеты, мидийские ботинки, зонтики, веера.

Александр Македонский, пораженный блеском царских одежд, променял свой простой греческий костюм на пурпурные мантии и высокие тиары персов. Цари носили бережно завитую длинную бороду, которую иногда прятали в особый футляр. Они также чернили брови, румянились, носили накладные бороды и парики (рис. 61, 63).

В целом у персов отсутствовали храмы и капища, и только у поздних авторов, таких, как Страбон и Павсаний, встречаются упоминания о святилищах, где горел неугасимый огонь. Поскольку жертвы у персов было принято приносить непосредственно под открытым не-

Царей в Ниневии.
Лейарда

бом, это привело к образованию корпорации магов. Занимая ближайшие к царю должности, эти жрецы огня и солнца при обычных жертвоприношениях управляли и самим властителем. Они составляли государственный совет и верховный суд, а также сами готовили ученых отправителей культа для

Рис. 62. Эламский гвардеец
царя Артаксеркса II.
Изразцовый рельеф
из дворца в Сузах

Рис. 63. Парадный выход
персидского царя.
По барельефу

всей Персии. При жертвоприношениях маги завязывали рот, чтобы нечистым дыханием не осквернить божества; впрочем, у персов было принято прикрывать рот и при разговоре с царем.

Жен в Персии содержали в гаремах, женское изображение на картинах считалось неприличным. Однако нравственные основания семейной жизни они ценили очень высоко. Браки у персов считались религиозной обязанностью, а предающийся разврату считался слугой сатаны. Закон был всегда на стороне женатого, а не холостого, на стороне многосемейного, а не бездетного. Суще-

ствовала также особая молитва о ниспослании добрых мужей стареющим девам. До пятнадцати лет замуж выходить не разрешалось. Юноши с 15-ти лет, то есть со дня совершеннолетия, носили пояс из верблюжьих волос, какой и теперь можно встретить у последователей религии Зороастра: это был символ возмужалости и гражданственности. Умерший у персов считался нечистым, а так как стихии — огонь, вода и земля — были проявлениями божества, то тело не могло быть ни зарыто в землю, ни сожжено, ни брошено в реку: его клали в открытом поле среди камней на съедение животным.

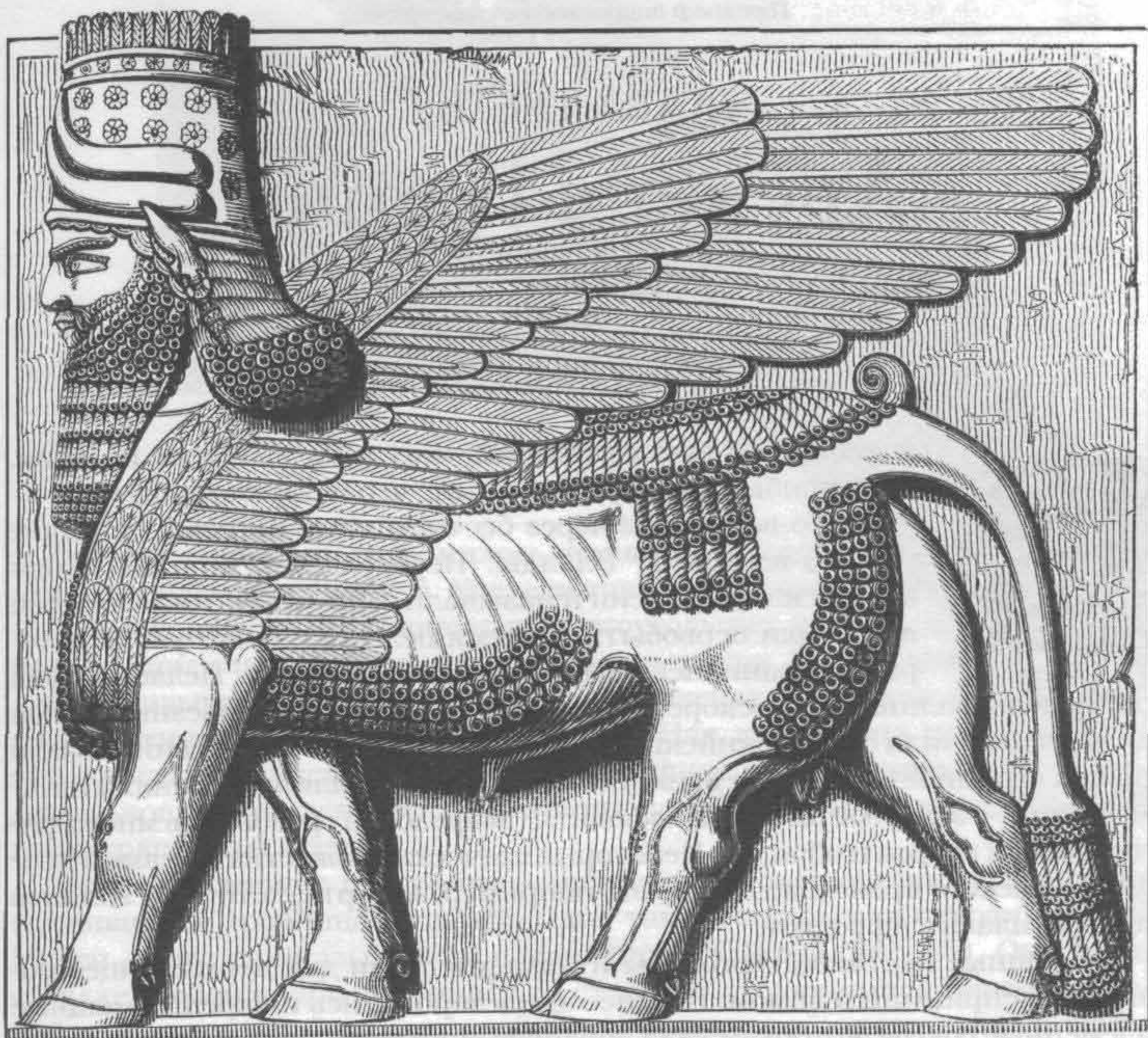

Рис. 64. Гений-хранитель Шеду.
Барельеф из дворца Саргона II в Дур-Шаррукине